

Агата Лель

Непристойные отношения

<https://litres.ru/74463674>

Аннотация

Он давно решил, что узы брака не для него, довольствуясь лёгкими отношениями без продолжения. А когда тебе слегка за тридцать, ты обеспечен и хорош собой – скоротать ночь в обществе красивой женщины не проблема. Только секс, ничего личного. И приглашая к себе домой случайную знакомую он не собирался делать исключений. Только секс... Правда, он не знал, что у случайной знакомой тоже есть свои правила.

Остро. Иронично. НеПристойно ;)

ОДНОТОМНИК!

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	13
Часть 3	17
Часть 4	25
Часть 5	28
Часть 6	33
Часть 7	38
Часть 8	42
Часть 9	46
Часть 10	53
Часть 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Часть 1

"Их отношения обречены... стать непристойными"

#####

"Шторм И.Р" – отливают золотом инициалы в отражении оконного стекла.

В детстве я не любил свою фамилию. Шторм – что-то великое, сокрушающее, сильное, а когда ты обычный мальчишка в китайских кроссовках с ободранными носками – подобная фамилия звучит как насмешка. Это потом звучное сочетание букв сыграло мне на руку, но в юности... впрочем, юность была такая, что вспоминать не хочется.

— И что ты на это скажешь? — Денис, закинув скрещенные ноги на стол, движением среднего пальца пододвигает мне сложенную пополам бульварную газетёнку. Яркий заголовок "вырви глаз" и крупная фотография улыбающейся пары чуть ниже. — Ирина буквально светится.

— Заткнись, — бросаю вполоборота, и хоть до тошноты противно смотреть на лица с дешёвой бумаги, снова кошусь на снимок.

— Реально светится, ты глянь, — гнёт своё. — Видимо, жарит он её как надо, до хрустящей корочки.

— Рот закрой и пошёл нахрен отсюда, скотина.

Денис добродушно ржёт, и я точно знаю, что он не обижается. А обидеть кого-то хочется. Или врезать в табло так,

чтобы челюсть повело. Например, этому ублюдку с фото. Лысеющий чмошник, который по-хозяйски обнимает мою жену. Руки бы ему выдернуть.

Ладно, хорошо – жену бывшую, но всё равно.

И Ирина... снова смотрю на фотографию. Дэн прав – глаза словно фары на новеньком Феррари. Сияют. Она действительно счастлива. С ним... а не со мной.

Беру со стола чашку и залпом опрокидываю остаток остывшего кофе. Хорохорюсь, пытаюсь делать вид, что мне похрен... Но кого я обманываю – Дэн со школы со мной, знает как облупленного. За спиной куча всякого дерьма съеденного на двоих одной ложкой, битые друг за друга в подворотнях морды, общий бизнес. Его свадьба. Моя свадьба. Его развод. Потом мой...

Он мне сразу говорил – не женись, она тебя не любит. Тупо раскручивает на бабки, красивой жизни захотела девочка. Я же, уже пресыщенный этой красивой жизнью и вседозволенностью, словно повернулся на ней: роскошная, гордая... и невозможно холодная. Подарки принимала едва выдавив улыбку, ничем её было не пронять: тряпки, побрякушки, путешествия – всё для неё. Слово с катушек слетел. Добивался её всеми доступными способами и спустя долбаных пять недель она, наконец, сломалась – доступ к телу был открыт. Я думал, что попал в nirvanу, её тело – не тело – священный Грааль... Ледяной и бездушный. В постели Ирина оказалась такой же – ни одной лишней мимики. Я, человек, который

никогда не жаловался на профнепригодность по части секса едва не заработал комплекс – что, мать твою, не так?

— Она фригидная, — таков был вердикт Дэна. И как бы меня не бесила порой прямолинейность друга, я не мог с ним не согласиться. Вот такую я полюбил женщину. "Повезло". – И, прости, она откровенная сука. Не ручная обезьянка, как другие, а продуманная. Нашла, чем тебя зацепить, своим "янетакая". Дай ей пинка под зад и не парься.

Тогда я дал пинка под зад ему, мы крепко поругались. Что бы не происходило, я не мог поверить, что вот это всё – какая-то стратегия. А если так, то откровенно гнилая. Ну кто будет разыгрывать из себя бревно? Обычно же наоборот.

Так мы просуществовали бок о бок год, из которого секс у нас был раз шесть... Ну ладно, двадцать шесть. Но всё происходило так, будто я какой-то урод и беру её силой.

Это потом я понял, что она просто меня не любила. И поэтому не хотела. И действительно использовала.

Я, слепо ей доверяя (секс же ненавидит!) спокойно колесил по стране решая вопросы по бизнесу, а она в это время нашла себе другого. Вернее, как нашла – он и был, её институтский приятель, с которым они якобы расстались до знакомства со мной. Не знаю, придумали они это вместе или это была только её идея меня "доить" – копаться в этом всё было просто по-мужски стрёмно.

Нет, надо отдать ей должное: когда она уходила, она уходила чистенькой "в никуда и ни к кому", апеллируя заюзан-

ным: "мы разные люди, Илья". Правда, положенную при разводе часть совместно нажитого забрала, копейка в копейку. А всего через месяц я узнаю, что моя бывшая фригидная жена уже делит трёшку на Пресненской (которую я ей отписал при разводе) с этим лысым накаченным анаболиками мудакom. Не нужно быть семи пядей, чтобы сложить два и два.

Привет, меня зовут Илья Шторм, и это история о том, как лихо меня поймали.

А знаете, что самое в этом всё неприятное? Цепляющее мужскую самооценку, словно воспалившийся заусенец? Она беременна. От него. Они даже года вместе не прожили. Вон, живот на фото уже заметен.

Не то, чтобы я горел желанием в тридцать три обзавестись потомством, но я видел ЕЁ нежелание иметь детей. Я думал, что в принципе не хочет, как вышло – просто не хотела от меня.

Ну не любила она меня! А я любил. Любовь, сука, реально сука. Но самое интересное началось потом, после развода...

— Прислать приглашение на свадьбу бывшему – зашкаливающая форма наглости, – лениво тянет Дэн, счищая что-то ногтем с мягкой кожи своих остроносых "Стефани".

— Уверен, что это просто дань вежливости. Мы же как бы расстались "друзьями". В браке за ней реально ни одного косяка замечено не было – не подкопаться, – бросаю, отворачиваясь. Лучше в окно посмотрю. Сверкающие на солнце небоскрёбы, крыши люксовых тачек на открытой парковке

внизу, красивые женщины в высотке напротив – модельное агентство, глаз радуется. Всё у меня ярко, хорошо, с лоском, а на душе... тоскливо.

Нет, за год практически отпустило – ну, не вышло, бывает, даже молодых и успешных кидают. Правда, я думал, что где-то в параллельной вселенной. Ан нет. Вшивый фитнес-тренер обошёл успешного бизнесмена.

До Ирины у меня было много женщин. Женщин разного телосложения, национальностей, цвета кожи и религии. С кем-то отношения длились ну... пару месяцев, с кем-то не доживали и до утра. Имена многих я забыл, но точно знаю, что все они помнят моё.

Здесь, в этом пропахшем деньгами городе порока моё имя довольно известно – Илья Романович Шторм, владелец сети салонов элитных немецких автомобилей. Ну, и так ещё, по мелочи...

Не стану размахивать шашкой, крича, что всего добился сам. Не совсем – бизнес достался мне "по наследству". Правда, получилось всё как в классической мыльной опере: босоногий голодранец Илюша в пятнадцать лет теряет мать, попадает в детский дом, а потом внезапно узнаёт, что он внебрачный сын "того самого Романа Шторма, владельца заводов и пароходов". А дальше как в индийском кино: "Сын! Отец!" Скупая мужская слеза... И сын, как оказалось, единственный. Вернее... позже выяснилось, что у меня был брат, который, ведя неприлично разгульный образ жизни, обдол-

бался в хлам какой-то дрянью в Таиланде и, не дожив до двадцати пяти, отдал Богу душу. Прости, брат, которого я никогда не знал, но ты реально вовремя "того" – новоявленный папаша сконцентрировался на очередной "кровинушке". Забрал в свой особняк на Рублёвке, пристроил в элитную школу, потом МГУ, а потом... внезапно умер.

В неполные двадцать я снова остался один.

Ну, как один... я и наследство: практически развалившийся по всем фронтам бизнес отца (к кончине он реально сдал), а ещё бешеный энтузиазм.

Я хорошо знал, что такое бедность и ни за что не хотел оказаться снова на дне, похерив подарок свыше на бухло и шлюх. Я начал пахать, разгребая отцовские косяки, по самые уши погрязнув в бюрократии и откатах. Тогда-то мне и пригодилась светлая голова Дэна – когда его мысли сконцентрированы на чём-то помимо секса, он способен генерировать реально блестящие мысли. Вместе мы вытащили со дна сначала автобизнес, потом открыли одну заправку, затем другую... ну, а дальше как на смазанных лыжах.

Мне фартило, деньги потекли золотой рекой. А где деньги, там вседозволенность. Я любил красивых женщин, они любили мой счёт в банке.

Я никогда не питал больших иллюзий и понимал, что точно такой же, что уж – выгодной внешностью (спасибо генам и неустанным тренировкам), но без денег я не имел бы и половины того успеха, что имею сейчас. Ведь полюбить муж-

чину искренне и бескорыстно куда проще, когда на его счету миллионы, правда?

Нет, конечно, каждая клялась, что повелась в первую очередь на мою светлую душу, но видя, как алчно сияют их глаза при виде очередной побрякушки, с каждым разом в подобное признание верилось с трудом. Да и, положив руку на сердце, меня всё устраивало. Они делали хорошо мне, я делал хорошо им – недовольных не было. А потом в моей жизни появилась Ирина и я впервые помешался на одной единственной женщине.

Меня заводила её грация, манеры, где-то даже чопорность. На фоне хоть и невероятно красивых, но печально однообразных кукол, что были у меня прежде, Ирина казалась какой-то... неземной. Не такой как все. Фарфоровая кожа, тонкие губы, маленькая, но такая манящая грудь...

Я захотел, чтобы она стала моей. И плевать мне было на то, что она моложе на целых десять лет, что пришла наниматься ко мне простой секретаршей, и даже на то, что глаза её откровенно не горели.

Я помешался. И я её добился. Исход вы знаете.

— Пойдёшь? – отвлекает от раздумий голос Дениса, и я, окинув его угрюмым: "иди нахрен", возвращаюсь к рассмотрению красот через огромные панорамные окна. – А что, лишний повод засветиться.

— Мне не нужен "лишний повод".

— Вообще, идея так-то неплохая, если подумать. Можно

с торжества перетянуть одеяло на себя. Только представь заголовки: "Шторм благословил бывшую" – и твоя улыбающаяся рожа на снимке.

— Бред.

— Хочешь показать ей, что до сих пор зализываешь раны?

— А вот это уже подло.

— Я бы принял приглашение, раз на то пошло. Взял бы с собой какую-нибудь тёлку с большими сиськами и показал, кто на этом празднике папа.

— Не хочу я ей ничего доказывать, – отхожу от окна, цепляясь взглядом за мини-бар. Коньяка бы, в кофе. – Совет да любовь.

— У тебя лицо, как будто тебя сейчас стошнит.

— Это потому что ты здесь.

Дэн снова ржёт, обнажая "унитазные" виниры. Всё у него просто, даже завидно. Женился легко, так же легко развёлся. Ни душевных тебе мук, ни грамма угрызений совести, что, может, это он чего ей недодал. Придурок он, но друг хороший.

— Давай нажрёмся? – читает мои мысли. – Я клуб один отменный знаю, закрытый. Никакого быдла, всё чин по чину.

— Давно ли сам вышел из народа? – поддеваю.

— Но-но, у меня счёт на Каймановых. Я теперь того, жених завидный, – взмахом головы откидывает назад модно подстриженную чёлку. – Поехали, у самого настроение с утра говно.

Приподнимаю запястье – половина шестого. Рановато для "закинуться". Потом взгляд снова падает на газету...

— А впрочем, – брезгливо смахиваю шлак в корзину для бумаг и подцепляю со спинки кресла пиджак. – Поехали, покажешь мне свой лакшери-клуб.

Часть 2

— Илья Романович, – голосом секретарши Ани оживает селектор. – Девушки здесь.

— Какие ещё девушки? – в глазах Дэна моментально вспыхивает хищный блеск. – Ты девочек на работу вызвал?!

Открываю дверь и встречаюсь с парой тёмно-карих глаз. Девушка сидит в приёмной и кажется, забыла как дышать. Рыженькая, ноги длинные. Ну, ничего такая.

— Илья Романович, – окликает секретарша. – Это Ирина. Ну, на моё место... – смущённо опускает глаза на свой огромный живот. – Из отдела кадров, как вы и просили.

Чёрт, отдел кадров! Совсем забыл. Мне же помощница новая нужна, сам же распорядился отобрать подходящих и привести на личное собеседование. С этой "потрясающей" новостью о свадьбе бывшей всё из головы вылетело.

Вообще, меня и эта секретарша более чем устраивает: не дура – красный диплом, не лезет с тупыми подкатами, не сидит целыми днями в интернете, работу выполняет добросовестно. Но умудрилась выйти замуж и тут же забеременеть.

Поветрие какое-то залётное в городе, что ли.

Смотрю на рыжую. Смущается, щёчки покраснели. И лицо вроде бы не глупое, интеллект проскальзывает.

Всё в тебе хорошо, рыжая, но ИРИНА! Слишком сильны ассоциации.

— Она мне не подходит, – бросаю на ходу, потеряв интерес к длинноногой. – Я уезжаю. Завтра... не знаю, во сколько буду.

— Подождите, сейчас ещё одна подойдёт. Она вышла...

Аня не успевает договорить, потому что открывается дверь, и в меня, словно ледокол Арктика со всего маху врезается...

— Твою же ты ма-ать!

Сука, как же больно! Грудь, живот – всё словно в кипяток опустили.

Блондинка напротив бледнеет, роняя на пол уже почти опустевший стакан из-под кофе. Опустевший, потому что кофе она разлила на меня.

Это реально был кипяток.

— Боже, Илья Романович! – Аня прикрывает ладошкой рот.

Блондинка бледнеет ещё сильнее. – Может, скорую?

— Не нужно скорую... – шиплю сквозь зубы, оттягивая двумя пальцами ткань рубашки. – Лёд есть?

— Минеральная вода в холодильнике! Я сейчас, – Аня проворно, насколько позволяет живот, подскакивает с места и бежит в подсобное помещение.

— Простите меня, пожалуйста! Я... я не хотела. Простите Бога ради! – причитает блондинка, и мне хочется затолкать в её рот кляп, потому что от бестолковых извинений легче вот ну совсем не становится.

— Какого чёрта ты потащила с кофе в коридор? – злюсь, расстёгивая пуговицы рубашки.

— Я купила его там, – оборачивается, – в холле.

— Здесь прекрасная немецкая кофемашина! Какого хрена?

— Я хотела карамельный латте, а здесь только чёрный... – оправдывается, заламывая руки. – Тут внизу есть аптека, я могу купить мазь...

— Вот, Илья Романович, – запыхавшаяся Аня протягивает мне бутылку запотевшей "Периньон", и я, распахнув полы рубашки, прикладываю холод к покрасневшей коже.

Девчонка, часто моргая, бесперестанно грызёт нижнюю губу, чем раздражает меня ещё сильнее. Рыжая смотрит на всё с неподдельным интересом.

— Кто это вообще? – рывкаю, от чего бедная Анечка заметно вздрагивает, прикладывая ладошки к животу.

— Это Юна Григорьева, претендентка на моё место. Из отдела кадров.

— Вторая, значит.

Сложив брови тревожным домиком, Григорьева делает нерешительный шаг.

— Я могу что-нибудь для вас сделать? Что угодно! Только скажите!

— Да. Не попадайся мне больше на глаза, – поставив бутылку на стол, набрасываю на плечи пиджак. – Пусть дальше ищут, – уже секретарше. Та понатливо кивает и всё это

с таким лицом, будто виновата в совершенном именно она. Даже жаль стало бедняжку.

— А ничего такая, – шагая рядом, оборачивается Дэн. – Я бы вдул.

— У неё руки из одного места.

— Зато сиськи что надо. Правда, молодая больно... Ей восемнадцать-то хоть есть?

— Внизу был какой-то магазин, мне нужно во что-то переодеться, – сиськи и паспортные данные какой-то девицы волнуют меня сейчас в последнюю очередь. Торс по-прежнему горит, но уже чуть меньше. Счастье, что она не разлила свой долбаный карамельный латте чуть ниже.

— Надеюсь, поход в клуб не отменяется?

— Шутишь? Теперь надраться хочется ещё сильнее. День сегодня какой-то реально паршивый.

Проходя мимо бутика свадебных платьев в груди начало печь снова. Только теперь виной всему был не разлитый кофе.

Она скоро выходит замуж. Казалось бы – отболело, да, но... до конца не отпустило. Пока. Где-то сидит там, и ноет, ноет...

Больше никакой любви. Никогда. К чертям.

Часть 3

Клуб оказался действительно довольно неплохим. Приятная обстановка, ненавязчивый персонал, а главное – шикарный бар. Есть всё, на любой даже самый требовательный вкус. А мой вкус сегодня прост – водка.

— Эй, не чахни, – пихает меня в плечо Денис, кивая головой в такт мелодии. – От твоей кислой рожи вон те пальмы в кадках вянут.

— Да я в норме.

— Ты морду свою видел? Брось ты, из-за какой-то бабы! Имей гордость в конце концов, она тебе изменяла.

— А вот это не доказано. Всего лишь предположение. Хрен знает, может, они встретились сразу после нашего развода и всё быстро закрутилось.

— Оправдывать её ещё начни, давай, – запрокинув голову, одним махом вливает в себя текиллу. Затем бросает в рот кусок лайма и жуя: – Раньше ты таким не был, ну, до брака. Трахал всё, что движется, а сейчас... – машет обречённо рукой. Мол, "всё с тобой понятно".

Да мне и самому тошно от себя же. Но поделать ничего не могу. Нет, не то, чтобы я весь год страдал, наматывая на кулак сопли, вовсе нет, но просто новость о её свадьбе разворошила осиное гнездо воспоминаний... Ирина действительно

но была единственной, кого я любил и единственной, кто посмел меня так жёстко опрокинуть. Отчасти именно поэтому отпустить окончательно её проблематично – мужское, мать его, эго.

— Никогда не понимал, что ты в ней нашёл, – чавкает, интенсивно работая челюстью. – Тощая, безэмоциональная, ещё и в постели бревно. Может, она тебя того – приворожила?

Год! Прошёл целый грёбанный год, как мы не вместе. Она беременна от другого. А мне всё равно неприятно, когда он говорит о ней плохо. Может, и справедливо говорит, но как-то вот так.

— Нихрена себе, – присвистнув, Дэн оборачивается, провожая взглядом молодую официантку в строгой чёрной униформе. – Да здесь не только пожрать можно охрененно. Может, по десерту? – ведёт бровью на девицу. – Как думаешь?

Перевожу расфокусированный взгляд на блондинку. Вижу её со спины, но формы да, аппетитные. Не отнять. Тонкая талия, перетянутая завязками фартука, а вот бёдра наоборот, слишком крутые. Но ей идёт. По крайней мере сзади.

Сзади...

Фантазия услужливо дорисовывает остальное.

Сколько у меня не было секса? Недели полторы точно. Загруженная командировка в Мюнхен лишила меня единственной в жизни мужской радости.

— Вот они – плюсы развода, – с видом знатока резюмиру-

ет Денис. — Ты можешь трахаться хоть каждый день с новой.

— Ты и в браке так трахался.

— Да, но приходилось скрывать. А сейчас — раздолье.

Денис не просто любит женщин, он — коллекционер. Из тех, для кого количество важнее качества. Однажды он попробовал загнать себя в стойло под названием "брак", но не выдержал и месяца — завёл шашни с новой сотрудницей. Жена не узнала, ну и он быстро вошёл во вкус. Правда, оказалось, что уходя в салон "чистить пёрышки" она тоже чистила кое-что другое со своим тренером по йоге.

Да, она тоже изменяла ему с тренером. Карма у нас с ним одинаковая, что ли.

— Девушка! — тянет руку Дэн, сально изучая пятую точку официантки. И уже тише мне: — Сейчас заценю, что у неё с внешкой. Вдруг крокодилиха.

Поднимаюсь. Нехило так покачивает. Сколько же мы выпили...

— Я отойду.

— Дружка проветрить? — скалится.

— Меня трогает, что тебя заботит мой член... — разворачиваюсь и... получаю удар в грудь, ощущая, как уже подживший было ожог вспыхивает новой волной адовой боли.

Кофе!

Опять!

По живому!!!

Поднимаю глаза на блондинку, чью задницу поимел в сво-

их фантазиях какую-то минуту назад. В руках поднос с перевёрнутой чашкой эспresso, чёрная жижа тонким ручейком стекает на такого же чёрного цвета кафель.

— И-Илья Романович?

Не может быть. Снова она? Это что, блть, розыгрыш?

— Снова ты? Опять? – шиплю, оттягивая ткань рубашки от тела. Это она. Та самая, со странным именем.

Юла?

— Тебе кто-то заплатил, чтобы ты сварила меня заживо? Конкуренты? Или моя бывшая?

— Боже, простите! – глаза полны неподдельного отчаяния. – Я... случайно! Клянусь!

— Я это уже слышал. Где здесь туалет? – рывкаю, осматривая мутным взглядом полупустой зал.

— Там! Он там! – бросает поднос на наш стол. – Я вас провожу!

— Не надо! Просто отойди от меня, хорошо? От тебя одни неприятности.

Слышу, как за спиной ржёт Денис. Что я там говорил раньше о том, что друг он хороший?

Забудьте.

Закрывшись в туалете, стягиваю рубашку. Просто дежавю какое-то. А ещё говорят, что снаряд дважды в одну воронку не падает. Разве такое вообще возможно?

И главный вопрос – как она здесь оказалась? Неужели следила? Не бывает же таких совпадений!

Прикладываю намоченное холодной водой полотенце к ожогу, и то ли кофе был градусом ниже, чем днём, то ли градусы внутри меня обезболили, но довольно терпимо.

— Илья Романович...

Закатываю глаза.

— Илья Романович, это я, Юна, – скребётся в запертую дверь. – Простите, пожалуйста. Это, правда, вышло ненамеренно. Сама не знаю, как так получилось. Давайте я... ну, не знаю... химчистку костюма оплачу, – осекается. – КостюмОВ.

Бросаю мокрое полотенце в раковину и распахиваю дверь. Блондинка мнётся напротив, но жалкой не выглядит. Виноватой. Косится на алеющий на моей груди ожог.

Ну ладно, что уж теперь...

— Проехали, – прохожу мимо.

— Но я ведь одежду вашу испортила.

— Проехали, говорю.

— Но ваша рубашка...

— Твою же ты мать! Да заberi ты её уже! – скидываю мокрую тряпку с плеча и пихаю ей в руки. – Забирай и иди!

Григорьева, или как её там, ошарашенно смотрит на комок ткани, потом на меня, и в голубых глазах мелькает что-то похожее на оскорбление.

— По адресу офиса потом пришлѐшь, – ухожу, ощущая, как в спину мне летят пропитанные ядом недоумения стрелы.

Нормально? Вообще-то, это она меня покалечила. Дважды!

— Ну все, обчистили! – стебётся Дэн, кивая на мой голый торс. – А говорили, место цивилизованное. Эй, охрана! – тянет шею. – У вас тут извращенцы в заведении! Охрана!

— Рот закрой и пиджак свой гони. Мой в машине остался. Накидываю чуть тесноватый в плечах Армани на голое тело и заказываю ещё водки. Настроение – дерьмо с минусом. И, конечно, виной всему не дурацкий ожог.

— Тебя администратор искал. Жди, будет рассыпаться в извинениях. Кстати, интересно, откуда она тут взялась? Ну, куколка эта.

— Чёрт знает. Мне неинтересно.

— А жаль. Жопа у неё что надо, – цокает.

Видеть эту криворукую не могу, но да, неопровержимый факт – посмотреть есть на что.

— Слушай, я тут это... – кашляет в кулак, – отъехать должен.

— Отъехать, в смысле – "того"?

— Сплюнь! – стучит по столу, а затем кивает на свой последней модели айфон. – Карина позвонила. Ну, та, – толкает языком в щёку, – сам понимаешь. Она тут с подругами недалеко в "Оазисе" зависает. Хочешь, двинем вместе? Подружки у неё что надо. Инна – норвежка – тощая и бледная, как смерть. Всё, как ты любишь.

— Иди нахрен.

— Учти – член сам себя не обслужит.

— Со своим членом я сам как-нибудь разберусь, – не дожидаясь, когда ошарашенная услышанным официантка поставит заказ, забираю стакан с подноса и опрокидываю в себя обжигающее пойло. – Вали куда хочешь, – и в спину ему. – Смотри, триппер не подцепи.

А под нос:

— Как в прошлый раз.

Подмигиваю до жути смутившейся официантке и прошу повторить.

Надираться в одно лицо – первый признак алкоголизма. Да и похрен. У меня сегодня траур – оплакиваю похороненное эго. И вроде бы чёрт с ней, но бесит, что у неё всё есть сейчас, а у меня... Ну что есть у меня? Бэнтли – есть. Бизнес – есть. Апартаменты – ещё галочка. А в душе воронка.

Долбаная ты тряпка, Шторм, соберись.

Отшив расшаркивающуюся в извинениях администраторшу выхожу на улицу. Совсем не по-весеннему ледяной ветер задувает под пиджак. Конец мая, а холодно, однако.

Нашариваю в кармане пачку сигарет и, прислонившись к мигающему неонам стенду, курю, выпуская в чернильное небо ядовитые пары "Парламента".

Со стороны, наверное, на бомжа похож – в коротком пиджаке на голое тело. Или на мальчика из соседнего заведения "Льняная ночь", где ходить в чём-то помимо галстука-бабочки нарушение дресс-кода. А впрочем, какая разница, кто там

и что подумает. Вообще всё равно.

Освобождая на улицу приглушённые биты, за спиной появляется девушка. Знаю, потому что слышу цокот шпилек. Оборачиваюсь...

— Опять ты?

И почему я не удивлён.

Часть 4

Юла-Юна поджигает губы и жмёт плечом. Мол, так вышло. Замечаю в её руках полупрозрачный пакет с моей рубашкой на дне. От чего-то это улыбнуло. Даже злость куда-то улетучилась.

— Смена закончилась?

— Типа того... – вздыхает. – Меня уволили.

— Серьёзно? Уволили? Из-за меня, что ли?

Снова пожимает плечом. И молчит.

Молодая совсем, Дэн прав. Девятнадцать от силы, а глаза грустные. Не должно быть таких в столь нежном возрасте.

— Это они погорячились. Хочешь, пойду скажу, что я без претензий.

— Нет, не нужно, – делает осторожный шаг и равняется со мной. – Я всё равно уйти хотела. Работа тяжёлая, по двенадцать часов на ногах и график ненормированный. Да и штрафуют за всё подряд.

— Если ты работаешь здесь, то как в офисе моём оказалась?

— Так вот как раз на собеседование пришла, чтобы не уходить в никуда. Ну а дальше... вы знаете. Клянусь, я, правда, не специально, – косится на мою оголённую грудь. – Очень больно?

— Есть немного.

— Мне так стыдно, — тупит глаза в пол. — Но я просто сегодня немного рассеяна. Новость одну узнала...

— Плохую?

— Ну... как сказать... — увиливает. — Вот, хожу весь день, думаю. Забавное совпадение. Я сегодня тоже новость одну узнал...

От чего-то просыпается неподдельный интерес. Дожил — треплюсь с официантками. Конечно, с кем ещё убить вечер в тридцать три холостому миллионеру, как не со вчерашней школьницей.

Делаю последнюю тягу и, выдохнув дым, топлю окурок в урне.

— Далеко сейчас?

— На метро. Пока не закрыли.

— Поехали, подброшу, — достаю из кармана брюк ключи и, не удержав, с лязгом роняю на асфальт.

Девчонка подпрыгивает первой — резво поднимает связку, но держит в руках, отдавать не спешит.

— Простите, может, это не совсем моё дело, но... вы пьяны. И сильно.

— Я хорошо вожу. И начальник центрального ГАИ — мой друг.

— Тогда он непременно придёт на ваши похороны. Извините за грубость, но вы не просто пьяный — вы пьяный в доску. Это небезопасно!

А вот это уже реально интересно.

Обычно девушки в моём присутствии ведут себя иначе: заглядывают в рот – ни слова поперёк, кокетничают, делают вид, что она "не такая" или откровенно лезут в трусы. А потом в карман. Или наоборот. Но эта Юла... или как её там, экземпляр однозначно необычный.

Неожиданно вечер начинает играть новыми радужными красками.

— Водить умеешь?

— Стаж один год.

— Ну, поехали тогда, – киваю на парковку и, опустив руки в карманы, вальяжно топаю к белоснежному "Бентли".

— Предлагаете мне подвезти вас? – семенит следом. – За рулём вашей машины?

— Ну я же пьяный, а ты сама говорила, что сделаешь всё, что угодно, – оборачиваюсь, оценивая её с ног до головы. – Так делай.

Понятия не имею, зачем творю всю эту херню. Впрочем, разберусь по ходу.

Часть 5

Водит она, конечно, как истинная женщина: аккуратно, за руль держится двумя руками, на лице печать напряжения.

— Да расслабься ты, – откинувшись на спинку кресла, выдыхаю дым "в форточку".

— Расслабишься тут.

Хмурится, стреляя взглядом в зеркало заднего вида. Кто-то чересчур нервный на корыте позади психует, что мы плетёмся шестьдесят километров в час.

Сигнал. Ещё сигнал.

— Да хватит уже! – не выдерживает и тут же тушует: – Простите. Нервничаю, впервые за рулём такой машины. Она же бешеных денег стоит!

— Ну не таких уж. Всего десять миллионов.

Глаза бедняжки округляются и стрелка спидометра резко катится ещё ниже. Это реально забавляет. А что, я никуда не спешу. Ночь длинная...

Смотрю на её обтянутые нейлоном колени, на серьёзный профиль лица. Грызёт губы, волнуется.

Снова опускаю взгляд на колени.

Интересно, это чулки? Я люблю чулки.

— Здесь, правильно?

Ответом ей служит плавно открывающиеся ворота жило-

го комплекса Ольховый. Моё пристанище последние четыре года.

— Где тормозить?

— Да где хочешь.

И она аккуратно паркуется возле моего подъезда. С явным облегчением глушит мотор, а потом, отняв руки от руля, вытирает наверняка влажные ладони о подол юбки, от чего тот задирается чуть выше.

И всё-таки чулки.

В крови подпрыгивает уровень тестостерона и вопрос рождается буквально из ниоткуда:

— Ты водку пьёшь?

— Чего? – оборачивается. Красивая. Реально красивая. И в чулках.

— Коньяк? Шампанское? Мартини? Напиться хочется.

Она думает долю секунды... Потом ещё пару мгновений.

Напрягаюсь. С момента, как я из Илюхи превратился в Илью Романовича мне не отказывали ни разу. Никогда. Исключение – Ирина. Она морозилась непозволительно долго – целых пять недель! Ходил как тинейджер-задрот с дымящимся болтом наперевес. Но больше никто и никогда. Неужели...

— Хорошо, – соглашается. – Настроение тоже ни к чёрту.

Ну кто бы сомневался. Хотя, признаться, энтузиазмом её глаза не особо светятся. Да и плевать. Выпьет, расслабится. Уходить потом не захочет.

Когда проходим мимо поста охраны, ловлю завистливый взгляд Валерона, тот даже чуть привстал, провожая мою гостью. И её аппетитные формы. А посмотреть там реально есть на что.

— Пятнадцатый жми, – киваю на сенсорную панель, и Юла... Юля... короче, Ю, послушно исполняет мою просьбу. Она сняла пиджак, перекинув его через согнутую в локте руку, поэтому сейчас я отчётливо вижу контуры кружевного бюстгальтера. Ткань кофточки совсем тонкая.

Кружево я тоже люблю. Станешь тут эстетом с таким-то видом из окна офиса.

Не могу сказать, что Ю на все сто соответствует моему придиричивому вкусу, но физически меня к ней однозначно тянет. Молодая, бесспорно, но раз пришла устраиваться в солидную фирму, работает в ночных заведениях, значит, уже достаточно взрослая. А внешность, она же зачастую так обманчива...

В крови зашкаливает адреналин, как и каждый раз перед сексом с новой девушкой. Это как пойти неизведанной тропой, никогда не знаешь, куда забредёшь в итоге. Захочешь ли потом повторить этот путь снова. Всякое было.

Преодолевать тридцатилетний рубеж немного грустно каждому мужчине без исключения, но в зрелом возрасте есть свои плюсы – тебе не надо устраивать танцы с бубнами, чтобы затащить девчонку в постель. Ты просто приглашаешь её "выпить" и вы оба прекрасно знаете, чем это "выпить" завер-

шится. А иногда даже говорить ничего не нужно – киваешь на выход и за тобой идут.

Смотрю на её хрупкие плечи, на выбившиеся из причёски волосы, опускаю взгляд ниже. Напоминаю, секса у меня не было дней десять точно.

— Эй, что вы делаете? – в ужасе смотрит на мою руку. Которая сама по себе перебазировалась на её обтянутое тканью юбки бедро.

— Ты же согласилась подняться ко мне и выпить.

— Ну, да. Выпить, а не заняться сексом.

— А разве это не одно и то же?

— Вообще-то, нет! Конечная. Приехали.

Что за долбаная хрень сегодня происходит?

Спутница выглядит уязвлённой, подбородок горделиво приподнят. А девчонка с характером, от того даже интереснее. Убираю руку в карман брюк, принимая неозвученные правила её игры:

— Любишь алкоголь больше, чем секс?

— Я не хочу говорить на эту тему.

— Сколько тебе лет? – вопрос, с которого стоило это всё начинать.

— Скоро двадцать один.

Двадцать один? Бью себя по рукам, чтобы не вытянуть за уголок паспорт, торчащий из её раскрытой сумки.

Да ну брось, какие двадцать один. Нехорошо обманывать старших. В двадцать один уже имеется какой-то опыт, а тут

эти ужимки, вера в бескорыстность.

Ну где ты видела, милая, что мужчина просто так зовёт к себе женщину выпить? Молодую и красивую. И ночью. И в чулках.

С лёгким "дзынь" перед нами раскрываются двери лифта, и мы, не сговариваясь, вместе идём к моей квартире. Между прочим, охрененно крутой двухуровневой квартире с огромным балконом. Мне, как человеку всё детство делившему тесную комнату коммуналки с матерью, было мегаважно купить себе много свободных метров. Пусть никому не нужных, главное, чтобы были. Комплекс, наверное. Спасибо био за предоставленную возможность ни в чём себе не отказывать.

— Сюда, – торможу у двери, коих на всём этаже не так много – четыре, и прикладываю ключ-карту.

Юна немного притормаживает у порога, словно решая – стоит ли заходить в логово зверя, но потом всё-таки делает осторожный шаг внутрь.

Попалась, птичка.

Часть 6

— Виски, водка... А это что ещё за хрень, – подношу бутылку ближе к глазам. "Шоколадный ликёр". Что в моём баре делает эта пакость?

— Если можно, немного вина, – отзывается гостья, прилежно положив ладошки на колени. Вертит головой, осматривая огромную гостиную и, что интересно, нет в её взгляде алчного блеска или чего-то такого, что проскальзывало во взглядах других здесь побывавших. А побывало их здесь немало.

Достаю бутылку "Шато", а затем, секунду подумав, цепляю за горлышко старого-доброго "Хеннесси". Пока словно заправский бармен разливаю по бокалам разномастное пойло, замечаю краем глаза, что она вцепилась в телефон. Уж не знаю, что именно её там так заинтересовало в полночь, но это "что-то" меня уже раздражает.

Возможно, я выставлю себя долбаной нудотой, но раньше, в доинстаграмную эпоху, было лучше. Пацан просто приводил домой девчонку, они выпивали по паре бокалов чего-то сильно крепкого, а затем буйно трахались. Без вот этого вот всего: "подожди, давай сделаем селфи", "ой, у Крида прямой эфир".

Гори в аду, создатель соцсетей!

— Что-то важное? – ставлю её бокал на широкий подлокотник кресла, но она даже ухом не ведёт. Нахмутив брови, водит пальцем по экрану и судя по полотну текста – читает какую-то статью.

Ну ок, почитай. Десять дней без секса это не так уж и много.

Сажусь напротив и, скинув тесный в плечах пиджак Дэна, опрокидываю в себя первую стопку коньяка.

Читает.

Закидываю скрещенные ноги на журнальный стол, шумно ставлю опустевший стакан на стеклянную столешницу – реакции ноль.

Кажется, что она настолько погружена в текст, что вообще забыла, где находится. Взгляд напряжённый, наверное, даже взволнованный – бегаёт по строчкам, не замечая ничего вокруг.

Не то, чтобы меня сильно задевало её равнодушие, скорее, я просто не могу не отметить нетипичность её поведения. Пару недель назад, до командировки в Мюнхен, на этом же самом месте сидела жгучая брюнетка, которая напросилась уехать со мной со скучного светского фуршета. Мы даже в лифт войти не успели, а она уже расстегнула мою ширинку и опустила на колени. Но эта... а хотя эта с самого начала вела себя странно.

Нет, это не значит, что я возомнил себе, что в мою постель мечтают забраться многие... а хотя какого хрена – туда ре-

ально многие мечтают попасть.

— Всё нормально?

— Что, простите? – наконец-то отрывает взгляд от долбаного телефона.

— Я спрашиваю – всё в норме? Ты выглядишь встревоженной.

— Да... Нет... – тяжело вздыхает. – В общем, я тут кое-что узнала. Мне нужна огромная сумма денег, а я совершенно не знаю, где столько взять. Так что нет, не в норме.

Вот где собака зарыта. Деньги.

Я столько раз слышал от женщин это слово, что если собрать каждое в одну большую гору и спрыгнуть с её вершины, то можно запросто разбиться.

Деньги. Доллары, евро, рубли, юани. Никогда бы не подумал лет двадцать назад, что скажу вот так: но порой деньги – реальное зло.

Меняю положение ног и опускаю ладони на подлокотники кресла.

Жду.

Ну же, начинай намекать, как тяжело тебе живётся. Что надо сделать операцию любимой бабушке, собачке, оплатить сухпаёк голодным детям Зимбабвы или ещё какая-нибудь слезодавильная причина.

Но она молчит.

— Насколько большая сумма? – делаю вид, что меня это волнует, хотя после стоп-слова интерес к молодой нимфе

резко поугас.

Настроение у меня сегодня такое – раздражительное.

Нет, я никогда не против проспонсировать красивой девушке ринопластику, чтобы она, по её мнению, стала более красивой. Или новую грудь. Или поездку в жаркие страны. Подарить тачку. Но когда она говорит об этом честно, не прикрываясь мнимым благородством. Терпеть не могу ложь. А с некоторых пор особенно.

Была у меня не так давно одна вот такая, которой "ничего от меня было не нужно", и чем это всё в итоге закончилось?

— Очень много? – напоминаю снова о себе.

— Очень.

— И сколько?

— Тридцать тысяч долларов.

Ну, прямо скажем – не состояние. Но если столько надо на грудь, то грудь как минимум должна быть из платинового силикона.

— На благие цели, наверное? – откровенно стебусь.

Она на секунду зависает. Наверняка обдумывает, как бы обставить всё в более выгодном свете.

Ну же – жги.

— Я, наверное, пойду, – вдруг выпаливает она и поднимается с кресла. Быстрым шагом преодолевает гостиную и прямиком к входной двери. Натягивает туфли на высокой шпильке, поднимает с пола полупустой пакет.

Эй, а где трогательная история о плане спасения маври-

танских мартышек из лап браконьеров?

А единственная бабушка? Она же должна жить!

Я уже попкорн жариться в мысленную микроволновку забросил и тут такое.

— Простите ещё раз. Ну, – кивает на мой голый торс, и я впервые за весь вечер замечаю, что в глазах её мелькает проблеск женского интереса, который она, впрочем, тут же стирает с хорошенького личика. – Я верну вам рубашку.

Дёргает ручку двери, но та, конечно, не поддаётся, и я, как джентльмен собственноручно помогаю ей покинуть мою холостяцкую берлогу, стены которой не впитают сегодня страстные женские стоны.

— До свидания, Илья Романович, – цокая шпильками, грациозно уходит по гулкому холлу.

— Может, тебе такси вызвать?

— Не нужно, я сама. Ещё раз простите.

Закрываю дверь и понимаю, что ничего не понимаю. Вот ровным счётом ничего.

Проклял меня кто-то, что ли.

Часть 7

— Погляди-ка, дубль два, – на стол падает свежий выпуск вчерашней газетёнки "Сплетни столицы".

— Даже не хочу смотреть, что там.

— Сколько ты будешь приносить сюда этот низкопробный шлак?

"Наш брак с Ильёй был ошибкой, но я благодарна ему за опыт. С ним я поняла, какой мужчина мне НЕ нужен", – цитирует Дэн противным голосом конченной суки, и у меня срысывает забра́ло.

Резко разворачиваюсь на вращающемся кресле и хватаю пахнущую типографской краской жёлтую прессу.

"Илья Шторм излишне резок... Совершенно не умеющий слушать... Зацикленный на себе и своей работе... Эгоист... Собственник..."

— Она совсем, что ли, с катушек слетела? Какого чёрта она творит? — швыряю газету в корзину для бумаг, и та, как назло, приземляется аккуратно снимком вверх. Снимком моей бывшей жены, которая за какой-то хреноматрицей взялась ловить хайп на моём имени.

Это я был резок?

Я, который не выставил её из дома взашей? Не отыскал её напичканного разного рода хернёй качка и не навалил ему

по намазанной автозагаром роже?

Я – эгоист?!

— Слышал, что за подобного рода "откровенные" интервью башляют они прилично. Если разоримся, наберу их контору, у меня много пикантных историй скопилось. Или в "Пусть вещают" – там вообще золотая жила, – Денис падает на кожаное кресло и, состроив страдальческую мину, приклоняет к виску запотервшую банку энергетика. – Ты когда-нибудь пил самбуку после "винчестера"? Такое чувство, что башку нафаршировали протухшим дерьмом.

— Всё это – хрень собачья, и ты это знаешь.

— Я-то знаю, но она, видимо, решила, что деньги не пахнут, – пожимает плечом, обтянутым уродливой расцветки рубашкой. – Я всегда говорил, что не верю ей.

— Чья бы мычала. Твоя бывшая трахалась за твоей спиной с тренером.

— Как и твоя.

— А вот это не доказано.

— Знаешь, в чём наше отличие? – тычет в меня пальцем. – Я принял то, что был роганосцем, а ты нет. Может, потому что ты как осёл хранил ей щенячью верность? По крайней мере я знаю, что мы с моей бывшей квиты.

Доля истины в его словах есть. Да, я не ходил на сторону, хотя секса в браке было реально мало. "Болит голова", "устала", "критические дни"... Солгу, если скажу, что моногамность моя истинная натура, я не всегда был верен своим

женщинам. Но у меня никогда и не было долгих и прочных отношений. Таких, где верность – главный кирпич в фундаменте пары. С Ириной я хотел поставить крест на блядском прошлом, думал, что получится. Заживём. Может, собачку купим, чтобы выгуливать её на рассвете после утренней пробежки. Или перед. Или когда там их выгуливают, собаки у меня никогда не было.

Я хотел нормальной семьи, потому что я любил свою жену, только вот она меня цинично использовала.

— Знаешь, я бы всё-таки пошёл на эту долбаную свадьбу, – Дэн дёргает колечко и присасывается к краю банки, с жадностью поглощая ледяной энергетик. – Ка-айф, – вытирает губы тыльной стороной ладони и смачно рыгает.

И этот человек – мой лучший друг.

— Ну заявлюсь я туда – и?

— Посмотришь в глаза этой стерве, пожелаешь, чтобы сиськи после родов обвисли. Хотя засада – у неё нет сисек, – ржёт.

Когда-то меня бы дико задело сказанное, но после очередной откровенно гнилой статейки желание лелеять её когда-то светлый образ (до брака!) напрочь отпало.

Понимаю, что глупо, но посмотреть ей в глаза реально хочется. Показать, что её уход меня совершенно не раздавил и плевать я хотел на её нового *баря.

Открываю ящик стола и смотрю на уродливые пригласительные "на две персоны". Золотистые завитушки, сраные

голубки в полёте...

— Тёлку бы взял с собой самую офигенную. Или вообще – женился первым, – снова ржёт. – А что, прикинь, как челюсть бы у неё отвисла. Да и у остальных. Первая полуса стопудово была бы твоя. "Владелец сети автосалонов Илья Шторм пришёл на свадьбу бывшей жены с новой женой". Скандалы, интриги, расследования. Показать всё, что скрыто.

— Ты под чем-то, что ли? – морщусь.

— Ну вообще, да, малость не отпустило. Ох и зажгли мы вчера, зря ты с нами не поехал, – трёт пальцами покрасневшие веки. – Сэндвичи любишь? Берёшь две булочки и...

— Не продолжай, – этот дебил помешан на сексе. – И на ком я, по– твоему, жениться должен?

— Да хрен его знает, – вертит башкой и рожа его вдруг озаряется дебильной ухмылкой. – Да хоть вот на ней.

— Простите, я не вовремя, да? – раздаётся одновременно с робким стуком.

Оборачиваюсь – из-за приоткрытой двери торчит миловидное личико Ю.

Часть 8

— Секретарши нет в приёмной, а я очень спешу. Вот, – вытягивает руку, удерживая в сжатом кулачке обмотанный полиэтиленом свёрток.

— Что это?

— Ваша рубашка, – делает робкий шаг в кабинет. – Я постирала её и погладила. Правда... она снова помялась.

— Как интере-есно... – тянет Денис, осматривая незваную гостью с головы до ног. – Я чего-то не знаю, по ходу? Да, Романыч?

— На стол положи.

Ю коротко кивает и, грациозно миновав кабинет, оставляет пакет на краю стола. Затем так же гордо возвращается обратно.

— Ещё раз простите. До свидания.

— Ты что, трахнул её вчера? – восклицает Дэн, едва за блондинкой закрывается дверь. – И не сказал! Друг, называется.

— У нас ничего не было.

— А зря. Тебе не помешало бы питона выгулять. Нервный ты какой-то, точно от недостатка секса.

Ломят виски и всё бесит. Вот абсолютно всё. Стреляю взглядом в корзину для мусора – торчит, родимый. "Сплетник столицы". Сжечь бы напалмом эту богадельню.

Потом смотрю на полиэтиленовый свёрток и на душе становится чу-уть-чуть теплее. Притащила-таки. Реально постирала и притащила. Странная она, конечно. Григорьева Юна. Ю.

Упав на кресло, поддвигаю к себе раскрытый ноутбук. И не глядя на придурка с рыбьим взглядом:

— Проваливай, у меня много работы.

— В соцсетях? – наклонившись через стол, заглядывает в монитор. — Григо... Гори... Что? Поверни, не видно же!

— Иди, трезвей. И если хоть ещё раз придёшь на работу несвежий...

— Да, дедуль, – кряхтя, поднимается с кресла и наконец-то сваливает. – Зануда. Я бы тебе тоже не дал.

Сам не знаю, зачем мне это. Какого хрена набрал в строке "Поиск друзей" её фамилию. Но она же там наверняка есть. Девчонки же любят эти все соцсети – мёдом не корми.

Оказалось, Юн в Москве прилично и даже есть несколько Григорьевых, но нужную мне блондинку с инопланетным взглядом нахожу моментально. Рядом, положив руку на её хрупкое плечо, застыл похожий на хиппи волосатый дрищ, до жути напоминающий богомола: вытянутое лицо с застарелыми пятнами от акне, длинный тонкий нос, тщедушные плечики. И рядом она – в простых укороченных джинсах и светлой футболке. Куколка ведь.

Что она только нашла в этом ушлёпке? На морде же крупными буквами написано "мудак".

Красивая на фото и вся буквально светится.

Все они светятся... только почему-то не рядом со мной.

Мрачнею. День только начался, а уже хочется накидаться. Да, снова. Но я держусь, честно держусь всю первую половину дня, затем вторую. Забиваю голову всякой хренью, и нет-нет, да в мыслях мелькает Ю. Как она там теперь? На работу я её не взял и с клуба её тоже турнули. Из-за меня же.

Что за статью она вчера читала? И на что ей понадобились тридцать штук?

Может, зря я вот это сейчас скажу, но не похожа она на меркантильную суку. Да-да, обжигался на молоке, помню, но вот так вот.

— Ань, кинь резюме Григорьевой.

— Григорьевой? – доносится вопросительное из селектора.

— Ну, Юна... Кофе, все дела.

— А-а, поняла. Одну минуту, Илья Романович.

Отвали, вопль разума, не до тебя сейчас. Я просто хочу знать.

Спустя обещанную минуту изучаю с экрана монитора причёсанную анкету прилежной девочки Григорьевой Юны Сергеевны: неоконченный филфак, волонтер в приюте для животных, комсомолка, спортсменка... На фото она совсем как школьница и, кажется, без грамма косметики. В нашей напичканой разного рода дрянью столице подобную красоту днём с огнём не отыщешь.

А дальше я делаю то, оправдания чему в трезвом уме найти довольно сложно – зачем-то вбиваю одиннадцатизначный номер из резюме в записную книгу своего телефона.

Пусть будет. Мало ли, вдруг пригодится.

Но кто же знал, что так скоро.

Часть 9

Где-то я прочитал хорошую фразу: ночная Москва – беспринципная развязная шлюха. И очень дорогая шлюха, стоит заметить. Если ты нищий, она будет с тобой колючей, холодной и смотреть свысока, словно на отброс, но если при деньгах... Это кардинально меняет расклад. Перед тобой распахиваются лучшие двери, ты вкусно ешь, дорого пьёшь и "танцуешь" самых красивых женщин.

Наверное, ты считаешь, что это охрененно круто? Так вот, не питай иллюзий – я не стану тебя отговаривать. Это так. Но не спеши завидовать, всё приедается. Когда ты перепробовал все деликатесы, перетанцевал всех красоток и даже коньяк многолетней выдержки тебя больше не вставляет, ты понимаешь, что проживаешь совершенно пустую и бесцветную жизнь. Ничто больше не способно доставить тебе истинное удовольствие. Только представь, как это страшно – жить, не чувствуя вкуса.

Сейчас я сижу в каком-то дико модном баре, пью третью рюмку разбавленного абсента и, подперев рукой щеку, наблюдаю, как за окном, размазывая дворниками мелкую морось, мчатся разномастные автомобили. Им есть куда спешить... всем есть куда. Истеричная жена, огрызающиеся дети, надоевшая тёща – даже во всём этом есть какая-то своя

извращённая прелесть.

Ну всё, кажется, понесло, этому парню больше не наливаем.

— Повторить? – отвлекает от мыслей прилизанный бармен в галстук-бабочке.

— Валяй, – отправляю ему свою залапанную рюмку.

Иногда хочется кому-то выговориться. Просто сесть и вывалить всё, что накопело. Не скрывая деталей, не выбирая выражения. Кому – то, кто выслушает тебя и не станет лечить нравоучениями.

Дэн... ну, Дэн друг хороший, но слушатель откровенно хреновый. Любитель в процессе разговора перетянуть одеяло на себя и залечить тебя до смерти своим драгоценным жизненным опытом.

Если следовать его "мудрым" советам, то закидываться всяким дерьмом, спускать деньги на шлюх и просто прожигать жизнь – идеальная философия.

Я так не хочу.

Сам не понимаю, чего именно мне надо, но точно не это. Семья... ну в семью я уже пытался играть, спасибо. Дерьмо и шлюхи – читайте выше.

Хотя нет, понимаю одно – хочу окончательно выбросить из головы ту, что посмела меня цинично опрокинуть. Бывшая жена. Ирина. Стонет сейчас, поди, под другим. Если, конечно, стручок её перекачанного вообще рабочий, с таким-то количеством протеинового дерьма в крови.

Меня шатает из стороны в сторону: от злости до состояния, граничащего с депрессией.

Да, даже богатым и относительно молодым жеребцам не чуждо ничто человеческое. Чаще всего дорогой фасад – это просто дорогой фасад, а вот что за ним...

Нельзя ничего держать в себе. Нельзя! Половина сердечных приступов у мужчин от неумения выплёскивать эмоции. И не через битьё груши или улётный секс. Порой облегчить душу намного важнее, чем яйца.

Я просто хочу услышать что-то из разряда: не дрейфь, бро, всё проходит. Ну выходит она замуж – флаг ей.

Опрокидываю залпом очередную рюмку и перевожу уже слегка поехавший взгляд на прилизанного с бабочкой. Исповедоваться бармену – прям дно, ниже падать уже некуда, но хуже этого только отбросить коньки в тридцать пять, из-за того, что не вылил когда-то наболевшее какому-нибудь неудачнику в баре.

— Дерьмовый день сегодня, – начинаю издалека. Прилизанный протирает тряпочкой бокалы, а выражение лица такое, будто кто-то нагадил ему в рот и под страхом смерти запретил проглотить. – Прям как никогда дерьмовый. Да и вчера тоже.

Ноль эмоций.

Эй, чувак, ну имей ты совесть. Я жить хочу. И хочу, чтобы мотор прослужил мне как минимум до восьмидесяти.

— Моя бывшая замуж выходит, – перехожу к главному.

Борис (вон, бейджик торчит) переводит на меня пустые глаза и вместо ответа забирает рюмку. Методично наполняет и возвращает обратно. Снова берётся за тряпочку.

В кино как-то это иначе всё. Там они дружелюбны, хлопают тебя по плечу и вселяют желание жить. И в кино женщины борются за молодых миллионеров, а не бросают их ради вшивых тренеров. Видимо, я существую по какому-то не такому сценарию.

Набрать, что ли, Дэну? Одному так и спиться недолго.

Достаю телефон, и он тут же вибрирует у меня в руках. От высветившегося номера становится слегка нехорошо. Имя не определилось, ведь этот номер я удалил ещё год назад, но цифры помню наизусть.

Одиннадцать вечера, какого хрена ей от меня надо? В этот час, да и вообще.

Наверное, надо было проигнорировать – ну что нового мы можем сказать друг другу? Но разбавленные 70° во мне решают ответить...

— Здравствуй, Илья. Прости, что поздно звоню... – бывшая на секунду зависает, словно обдумывая, что сказать дальше. Такая знакомая её "коронка". – Я не сильно тебя отвлекаю? Слышу, что ты не дома.

Прошёл ровно год, а долбаное сердце всё равно отзывается неверным ритмом на тембр её голоса. Фригидная, не фригидная, любила, нет – своим-то чувствам не прикажешь.

Но главное – это хорошая мина, верно?

— Не дома. Но занят. Что ты хотела?

— Я хотела узнать, ты придёшь на нашу с Антоном свадьбу? Я отправила тебе два приглашения.

— Серьёзно? Не видел, – опрокидываю любезно предложенную ранее бездушным барменом стопку и жестом прошу повторить. – Не знал, что ты замуж выходишь.

Хреново блефуешь, Штурм. Не перебарщивай.

— Да, мы вот... решили, – вздыхает. Несколько секунд молчит. – Так ты придёшь? Можешь взять с собой какую-нибудь подружку. Ты же... не одинок?

— Нет, – выходит уверенно и твёрдо. – И у нас с ней всё очень серьёзно.

Что, блин?

— М. Рада за тебя. Правда, рада, – снова замолкает, и когда уже кажется, что на этом разговор завершён, её словно прорывает: – Как-то у нас с тобой всё слишком быстро получилось. Ну, и со свадьбой... и потом вот с разводом. Я на эмоциях жутких была, почему-то была уверена, что всё делаю правильно. Ты часто отсутствовал, я маялась от скуки, да и подружки наперебой говорили, что ты точно изменяешь мне там в своих нескончаемых командировках...

Эй, что происходит? Какого хрена? Остановись, не надо! Стоп!

— ...я ревновала тебя. Да, не показывала этого, я вообще мало чего показывала в браке, только вот потом, когда мы расстались, поняла, что...

— Прости, я занят. Я поищу твои приглашительные, – обрываю вызов и, бросив на стойку телефон, опираюсь ладонями о столешницу, словно ища точку опоры.

Что, мать твою, она такое несла?

Зачем вот эти откровения год спустя? С целью сделать мне ещё хреновее? Я только отпустил её, как эта свадьба нарисовалась. Беременность её. А она точно беременна, без вариантов. Теперь вот эти ночные излияния как снег на голову.

Надо было, наверное, высказать ей всё, что я думаю о ней с этим её лживым интервью "Сплетнику". Но если бы я ей это высказал, то боюсь, не смог бы остановиться и ляпнул ещё чего лишнее. То, что знать ей не обязательно.

Да и вообще, я же "не знал", что она замуж выходит. Стало быть никакого "Сплетника" не видел.

— Ещё, – бросаю бармену, и тот словно послушай робот хватается за бутылку.

Она говорила это всё таким тоном, словно... жалеет о содеянном.

Да, именно так – жалеет. А если она жалеет, то...

В крови закипает адреналин, хандру словно рукой сняло. Я полон ложных сил и разбавленного абсента.

Конечно, я ни за что не принял бы её после сраного качка, и не важно, появился он во время нашего с ней брака или сразу после. И даже не то, что она беременна, стало бы тем камнем преткновения. Я перевернул страницу, всё. Без вариантов. Но такой исход словно бальзам на душу.

Осознала она. Ещё бы ты не осознала!

Дэн прав – я должен пойти на эту свадьбу! И пойти не один. Совсем по-мальчишески хочется показать ей, что у меня-то всё как раз просто охрененно. После её звонка особенно хочется.

— Ваш абсент с ромом, – протягивает прилизанный наполненную стопку, но я отодвигаю налитое обратно.

— Чистый давай.

И всё, с этой минуты мир словно рухнул в наполненную пустотой пропасть.

Часть 10

Как же. Болит. Голова. Если ад существует – это он и есть.

Не открывая глаз осторожно, словно под подушкой заложена мина, поворачиваюсь на другой бок и по привычке пытаюсь нашарить на прикроватной тумбочке телефон.

Но её нет. Тумбочки.

Ну и хрен с ней. Лишь бы найти телефон и заткнуть этот долбаный будильник.

Мелодия звонит и звонит, а найти её источник никак не выходит. Собрав последние силы в кулак кое-как сажусь на край кровати и давлю ладонями на виски.

Это ещё что? Шёлк? Я определённо чувствую голой задницей шёлковую простынь. Я всегда сплю голым и никогда на шёлке. Нет тумбочки и постельное бельё не моё, из чего следует вывод, что я не дома. Чудненько.

Учитывая, что я совершенно не помню, как и с кем уехал вчера из бара, по ходу меня ждёт большой сюрприз.

— Я нашла ваш телефон. Вот он, – доносится откуда-то из-за спины голос. Женский. Спасибо, всевышний. Мелодия будильника замолкает и уже за одно это я благодарен своей спасительнице. Жаль, что совершенно не помню, что было ночью. Надеюсь, я хорошо отблагодарил её авансом.

Разлепляю глаза и, морщась, оборачиваюсь.

Светлые рассыпанные по плечам волосы, голубые глаза, симпатичная пижама в цветочек...

Юна?

Мы дома у Ю? Серьёзно?

Кажется, сюжет моего кино всё-таки занимательнее, чем мне казалось.

— Я никак не могла понять, как выключить будильник. У меня другая модель телефона, — намеренно не глядя на меня голого, проходит к кровати и протягивает мобильный. — Вы не против?

Не дожидаясь ответа, набрасывает скомканную простынь на моё готовое к бою причинное место.

Да, у меня по утрам стабильная эрекция. Даже если я всю ночь кувыркался с какой-нибудь горячей девчонкой. Даже с лютого похмелья. Мой утренний стояк — неизменная константа. Всё-таки есть в этом мире что-то постоянное.

— Могла бы утопить его в унитазе, я бы не расстроился.

— В следующий раз так и сделаю. Кофе будете?

В следующий раз? Интересно. И вот это её "вы" — очень аристократично. Что-то в этом есть. Жаль, что в памяти словно чёрная дыра, ничего не помню. Абсолютно. Помню, как перешёл на чистый абсент, как кому-то звонил, как дремал на чьём-то плече в пропахшем дезодорантом "ёлочка" салоне авто.

А вот секс не помню. Жаль. Очень жаль.

Становится даже немного, как бы это... грустно. Нет, не

от того, что по синьке память отшибло, а от того, что она вот так запросто по первому же зову...

Конечно, дают мне спустя день знакомства не впервые, были и гораздо более бодрые результаты, но почему-то хотелось верить, что Ю не такая.

Да все они "такие".

— Где у тебя ванная? – поднимаюсь, простынь, само собой, падает.

Юна резко отворачивается и нарочито внимательно изучает узор на обоях.

— Илья Романович, пожалуйста – прикройтесь, хорошо? Бред какой-то, ну ок.

Превозмогая разрывающую мозг головную боль поднимаю простынку и оборачиваю вокруг бёдер. Стояк впереди немного искажает плавность линий, но что поделать – физиология.

— Так где ванная?

— Там, – указывает рукой себе за спину, по-прежнему на меня не глядя.

Киваю и иду туда, куда она показала.

Сто лет не был в обычных хрущёвках. Всё такое тесное, не развернуться.

Проходя мимо неё ощущаю исходящий от её мокрых волос аромат фруктового шампуня. Душ принимала, могли бы и вместе, раз на то пошло. Да, было бы неплохо, но вот странное дело – почему-то не робею предложить, а... чёрт его зна-

ет, как назвать. Не могу правильно озвучить мысли. Может, виной всему то, что я вот совершенно ни хрена не помню, а раз не помню, от того кажется, что будто и не было у нас ничего. А может, этот её взгляд. Она смотрит на меня как на постороннего человека. Недоверчиво. Может, даже немного надменно.

Странная она. Притащила меня в свою постель, а теперь "Илья Романович, прикройтесь".

Поздно, милая, разыгрывать монахиню.

На секунду притормаживаю у стены, где хаотичной россыпью на крошечных прищепках развешаны фотографии. Вот она где-то в горах, улыбается, стоя на сноуборде. Вот наверняка в какой-нибудь Анапе под искусственной пальмой. Вот с какой-то женщиной, скорее всего мамой. А здесь...

— Парень твой? – киваю на хиппи, которого уже видел на снимке в соцсети.

— Нет, – пожимает плечом. – Муж.

Та-ак... интересно. Вот с этого места поподробнее. А хотя...

Зачем мне в этом всём разбираться? Замужем? Отлично. В моей жизни она была не первой замужней и наверняка не последней. Всякое было и, дай Бог, будет. Крест на себе пока не ставлю.

— Кофе есть? – оборачиваюсь.

— Есть, растворимый.

— Сойдёт.

И смотрит так... будто у нас реально ничего не было. Мир потерял великую актрису. Стало даже немного обидно за её богомола. Так-то он теперь рогоносец.

Захожу в тесную ванную, вижу на стиральной машинке любезно приготовленное специально для меня чистое полотенце и нераспакованную зубную щётку.

У неё тут что, приём гостей на поток, что ли, поставлен? Вот что значит внешность обманчива.

Тяну руку, чтобы открыть дверь душевой кабинки, как вдруг вижу... Расстояние от ванной до кухни преодолеваю за считанные наносекунды.

Юна стоит у плиты, чинно разбивает в раскалённую сковородку яйца, на столе пытит старая кофеварка.

— Я в зёрнах кофе нашла, – просвещает.

— Чудно. А ты не знаешь, что это? – поднимаю ладонь тыльной стороной вперёд, и Ю приходится-таки обернуться. И тут же тупит взгляд в пол.

— Илья Романович, я же просила... вы снова голый.

Честно? Уже начало подбешивать.

В чём мать родила подхожу ближе (ну, что она там не видела, в конце-то концов!) и снова показываю ей руку.

— На моём безымянном пальце кольцо, сильно напоминающее обручальное, – демонстрирую простой жёлтый ободок. – И так как я проснулся в твоей постели, может, ты знаешь, какого хрена оно там делает?

Она переводит на меня невозможной синевы взгляд и

смотрит как на не совсем адекватного:

— Так мы с вами ночью поженились, — показывает свою руку и на пальце у неё блестит точно такое же кольцо. — Вы совсем, что ли, ничего не помните?

Часть 11

Что? Поженились? Я, наверное, ослышался?

— В каком это смысле – поженились? – не теряя самообладания, спрашиваю вполне даже спокойно. – Начнём хотя бы с того, что ты же уже замужем!

— Ну, если быть точнее, Гена мне не муж. Он только сделал мне предложение, но мы не расписались.

А, ну да. Это всё охренеть как меняет дело.

— Бога ради, Илья Романович, – закатывает глаза, прикрывая моё непотребство вафельным полотенцем.

Послушно скрепляю пальцами края модной юбки и успокаиваться явно не хочу. Даже голова прошла. Так что херня эти все ваши Антиболины, новость о том, что ты внезапно женился – вот что гарантированно отрезвляет.

— Давай ещё раз по порядку, хорошо, – давлю улыбку. – Поженились, в смысле, не по-настоящему, да? В шутку?

— Почему же? Всё как положено, даже в паспорте печать есть, – улыбается мне в ответ и ровно так: – Вы яичницу с колбасой любите?

Что? Что, блть? Яичницу с колбасой?! Накатывает настоящая паника.

Запускаю пальцы в и так растрёпанные после сна волосы и пытаюсь мыслить здраво.

Да, я ни черта не помню, но не мог я жениться! Тем более на ней... Нет, не потому, что она страшная – как раз-таки если я бы и повёлся на неё, то в первую очередь из-за внешности. Я не мог жениться на ней только потому, что после болезненного развода я вообще с браком навсегда завязал. И мы совсем незнакомы. И у неё есть мужик.

Да и кто женится ночью! Мы же не в Вегасе.

— Кажется, вы действительно ничего не помните. Впрочем, это неудивительно, вы пили неразбавле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.